

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ У ОБСКИХ УГРОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Проблема адаптации социума к изменившимся условиям существования является одной из наиболее сложных в гуманитарных науках. Распад традиционного общества и переход к рыночным отношениям затронули все этносы нашей страны. Максимально драматично эти процессы протекали на окраинных территориях. Цель данной статьи — анализ социокультурных изменений у обских угров в последний период существования царской России. Для жителей Севера Тобольской губернии был характерен выбор различных сценариев при утрате прежней стабильности. Они проявлялись в асоциальном поведении, восприятии новых ценностей, в частичном заимствовании хозяйственных навыков и элементов русского быта, в предпринимательстве. К рубежу XIX–XX веков доминирующим вариантом аккультурации обских угров стала интеграция. В то же время не произошло окончательной эмансипации аборигенных социумов от навязываемых им посредников с внешним миром.

Ключевые слова: адаптация, аккультурация, ассимиляция, изменения, интеграция, маргинализация, обские угры, предпринимательство, рынок, сепарация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-151-157

Процессы социально-экономической модернизации в Российской империи отличались неравномерностью. На периферийных территориях они принимали характер так называемой фронтальной модернизации [Побережников, 2013]. Проблема заключалась как в природно-географических условиях, так и в психологии местного населения. В частности, для обских угров на Севере Урала и Западной Сибири модернизация и переход к рынку осложнялись их традиционным природопользованием и господством патриархальных отношений. Скудные природные ресурсы здесь быстро истощались из-за негативного антропогенного воздействия. Объективно рыночные отношения провоцировали хищническое отношение к природе.

К этому времени коренные малочисленные народы Севера уже не могли обходиться без множества покупных товаров: огнестрельного оружия, пороха, металлической посуды, хлеба. Образованные современники свидетельствовали о неэквивалентной торговле русских купцов с аборигенами, их спаивании, антисанитарии, распространенности болезней. Обычно критикующие не предлагали иных адекватных решений. «Рецептуры спасения», как правило, сводились к необходимости распространения русского языка и православия среди народов Севера для их постепенной ассимиляции [Инфантьев, 1912, с. 20]. Однако исторический опыт говорит о несостоятельности данного подхода. В суровых условиях XX в., несмотря на ассимиляционные процессы, обские угры не превратились в убежденных православных или атеистов, не были полностью русифицированы и сохранили этническую идентичность.

Объектом исследования настоящей статьи стали бытовые и социально-психические новации в жизни обских угров на рубеже XIX–XX вв. Соответственно цель исследования — анализ социокультурных изменений в аборигенной среде. Данная цель потребовала постановки ряда вопросов. Как именно у обских угров осуществлялся переход от патриархальности к рыночным отношениям? Какова была роль аккультурации и трансформации моральных норм в межэтнических контактах? Какие положительные моменты присутствовали? Межэтнические контакты на Обском Севере многократно рассматривались в научных работах [Миненко, 1975; Головнев, 1995; Мартынова, 1998; Перевалова, 2004; Конев, 2017]. Основные научные цели — изучение этнографических ареалов, хозяйственных объединений, этнодемографических и иных процессов — смещали внимание исследователей к изучению масштабных событий или явлений, присущих преимущественно традиционной культуре.

Освещение частных моментов, близких к современности, оказалось на периферии научного интереса. В настоящей статье, напротив, основное внимание сосредоточено на повседневности и быте. Территориальные рамки исследования охватывают таежную зону Обь-Иртышского меж-

дурчья с ареалом проживания обских угров. При создании статьи применены междисциплинарный подход, методы исторической психологии, истории повседневности, межкультурной коммуникации. При этом процессы социокультурных изменений понимаются как различные варианты культурной адаптации [Поплавский и др., 2017, с. 146]. В качестве исторических источников использованы труды А. Алквиста, К. Губарева, В. Павловского, И. Полякова, А. Дунина-Горкавича, М. Корсунского, П. Инфантьева, Г. Пирожникова и ряда других исследователей.

Какие варианты своего поведения могли избрать коренные жители Западной Сибири относительно русской колонизации? Первый из них: насильственное изгнание чуждых пришельцев и уничтожение их опорных центров — городов. К 20-м гг. XVII в. данный путь решения проблемы, при котором доминировали образы богатырей, исчерпал свои возможности. Привычное независимое существование с регенерацией княжеских городков как военно-административных центров было уже невозможно. Российское государство смогло пережить Смуту, и его мощь была несопоставима с возможностями редкого и разобщенного коренного населения Сибири.

Второй вариант. Консервация, сведение контактов до минимума. Долгое время этот вариант был действенным. Часть аборигенного населения, не желая утраты собственной этнической культуры и фактической ассимиляции, мигрировала на места жительства, территориально отдаленные от русских городов. Путь сохранения значимых духовных элементов оказался сопряжен с образами богов, героев и духов-покровителей. Но к рубежу XVIII–XIX вв. и эти возможности оказались во многом исчерпаны. Связано это было с кризисом патриархального хозяйства. По мере развития рыночных отношений территория Югорского края постепенно включалась в систему связей межрегиональной торговли. Местное население, в том числе аборигенное, все более вовлекалось в развитый товарообмен. Жители Югры покупали огнестрельное оружие, мануфактуру, хлеб и теперь уже не имели возможности отказаться от выгод торговли.

И, наконец, последний, третий вариант был реализован через стихийную генерацию защитных адаптационных механизмов при непрерывном росте внешнего воздействия. Появление данных версий не является чем-либо оригинальным. Это типичная реакция традиционной среды. В качестве примера приведем стратегии выживания ненецкой культуры. Относительно них А.В. Головнев выделил у ненцев три основных этапа: «(1) военно-торговая активность, когда оленеводы использовали оленей как товар и транспорт (в том числе военный); (2) автономное кочевание, когда, избегая колониального давления, оленеводы осваивали отдаленные тундры и наращивали поголовье стад для обеспечения независимого существования; (3) пастушество, когда северное оленеводство стало основой тундровой экономики в условиях административно-политической зависимости и стабильности» [2004, с. 91]. Он же показал различия между ненцами и обскими уграми. Традиционная культура ненцев, из-за ее удаленности от центров колонизации, обладала особой устойчивостью по сравнению с культурой их южных соседей.

У обских угров разрушение прежнего уклада и восприятие новаций зашли много дальше, чем у их отдаленных от «цивилизации» соседей. Уграм потребовалось обыгрывание и разыгрывание возможных и невозможных ситуаций, связанных с культурными контактами и пребыванием в чуждой иноэтнической среде. Процессы их аккультурации (восприятия другой культуры) протекали по-разному. Как правило, выделяют следующие варианты аккультурации: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию [Грушевицкая и др., 2003, с. 209]. Вероятно, доминирующим вариантом при контактах первоначально была сепарация. Ей присуще отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой

По сведениям Губарева, в середине XIX в. русское население на Севере Тобольской губернии считало, что «орда или азиатцы (так называют русские остяков) не живут между Русью: как только мы поселимся, так остяки перестают плодиться. Старожилы сказывали, что в первоначальное время остяков было довольно много, но с каждым годом число их уменьшается» [Губарев, 1863, с. 352]. Отголоски подобной позиции присутствовали и много позднее. Характерен ответ священнику-миссионеру формально православного аборигена, который завел себе вторую жену и «грешил» шаманизмом: «вот что, батька я тебе скажу: я к тебе в Обдорск не езжу, в твои дела не мешаюсь, ну и ты ко мне не езди и в мои дела не мешайся» [Пирожников, 2002, с. 22].

В последующем варианты аккультурации расширились. Сепарация вынужденно все более дополнялась маргинализацией (потеря идентичности с прежним окружением при отсутствии идентификации с окружающей культурой). Финский исследователь А. Алквист замечал относительно причин болезней вогулов: «В соседстве с русскими их численность уменьшается также из-за того, что некоторые вогулы отправляются к ним на работу, отчуждаются от образа жизни

своей родины, привыкают к русским, узнают вкус вина и таким образом теряются для своего народа» [1999, с. 28]. Отрицание человеком прежних культурных основ несло негативные начала. «Новокрещеный ненец в бытность язычником всегда аккуратно платил долги, когда же окрестился, то перестал платить. Ему и говорят: “Что же это ты раньше был такой честный, теперь мошенничаешь, а еще крещеный?”. Отвечает ненец: “Что ж, я теперь такой же крещеный, как и вы русские, ну и мошенничаю, так же, как и все тут мошенничают”» [Пирожников, 2002, с. 22–23].

Один из дореволюционных исследователей начала XX в. находил, что «вогул из тихого миролюбивого и честного человека превратился в отъявленного мошенника, огрубел до невозможности. Теперь мы видим вогулов злыми, хитрыми, способными на всякую низость» [Павловский, 1907, с. 21]. Столь резкая оценка несомненно страдает предвзятостью. В глазах внешнего наблюдателя произошла очередная смена образа. На смену прежнему наивному дикарю пришел прожженный мошенник. Но в наблюдении, по нашему мнению, есть и нечто существенное. Здесь присутствует демонстративное выпячивание своего негативного поведения перед чужаками, связанное с ростом дискомфорта. Психический дискомфорт нуждался в каком-либо вытеснении, замене. Согласно З. Фрейду, шутка (остроумие) рождается, когда сознание пытается выразить те мысли, которые общество обычно запрещает. Он же утверждал, что юмор подавляет развитие аффекта, занимая его место [Фрейд, 1997, с. 98–113, 234–235].

Обско-угорский фольклор оказался той площадкой, на которой осуществлялось моделирование и ценностное осознание последствий соприкосновения с новыми городскими реалиями. В глазах аборигенов русские поселения, в первую очередь города, ярмарочная торговля и официальные учреждения являлись территорией взаимных чудесных перевоплощений. Здесь было многое допустимо и многое манило далеко не всегда оправданными надеждами. Для представителей традиционной культуры такое поселение оказывалось пограничной территорией, своеобразными воротами в другой мир. Они, эти «ворота», были максимально загадочны и могли вести куда угодно. Их таинственность порождала надежду, острый дискомфорт и даже страх. Преодоление дискомфорта осуществлялось разными способами. Один из них — смех. В смеховой форме аборигенный трикстер-пришелец нарочито демонстрировал перед русским социумом собственный негативизм. Своим развязным поведением он подталкивал иноэтничное поселение как-либо противодействовать смеху. Подлинными свойствами незнакомой территории при этом вынужденно обнажались, лишая ее неуязвимости и тайны [Ершов, 2015; 2017, с. 102–110].

Далеко не случайно, что в 1860-х гг. местные чиновники оценивали Сургутский край как территорию постоянного маскарада: «остяки сами не шьют для себя платья, а приобретают от поселенцев, от рыбопромышленников, от казаков; поэтому часто встречаются в дьяческом подряснике и военной фуражке, в семинарском халате, казачьих шароварах и круглой шляпе и т.п.» [Губарев, 1863, с. 355]. Почти карнавальная смена костюма, одежды, поведения обозначала пока еще не столько действительное вхождение в новый мир, сколько нарочитость произошедшего. Не случайно обские угры на медвежьих игрищах высмеивали одновременно и неумение русских жить в тайге, и неумение аборигенов вести хозяйство «по-русски». А. Алквист описывает медвежьи игрища в д. Сартынья и разыгранную сценку о вогуле, который, обзаведясь коровой, не знал, как ее доить [1999, с. 119].

Розыгрыши и иные несерьезные поступки свидетельствовали, что потеря идентичности с прежним окружением не являлась окончательной. Маргинализация, при негативности ее проявлений для отдельного человека, не была каким-либо завершенным этапом для аборигенного социума. Напротив, она побуждала к осознанию своего места в изменившихся условиях, к поискам оптимального выхода: интеграции либо ассимиляции. И здесь, обратившись к анализу первого варианта — интеграции (идентификации со старой и новой культурой), легко обнаружить бытовые приметы взаимопроникновения двух культур. Ранее всего новации затронули манси вблизи Урала. По сведениям А. Алквиста, вогулы, живущие на Пелыме и Лозье, проявляли интерес к земледелию и скотоводству. Еще более заимствований он наблюдал при путешествии по р. Конде. За с. Болчарово начинались вогульские поселения: «жилища — русские дома с выбеленными печами и стеклянными окнами; кое-где, кроме жилой комнаты, встречается также чулан»; в Леушах «вогулы довольно усердно занимаются выращиванием зерна» [Там же, с. 17, 33, 135].

По мнению М. Корсунского (1908 г.), «цивилизация» здесь распространялась от верховий р. Конды на восток. Так Юрты Красноярские мало чем отличались от русского поселения. Здесь жили даже знавшие русскую грамоту старики. «Дома высокие, почти все двухэтажные, имеют вид домов любой сибирской деревни в каком угодно месте. Те же резные узоры на окнах, те же пристройки <...>, завоз-

ни, стаи и почти та же чистота в хозяйстве» [Корсунский, 2008, с. 267, 270]. Эти данные совпадают с более ранним (1892 г.) свидетельством П.П. Инфантьева о Красном Яре: «Здесьние остяки народ зажиточный, довольно развитой, и, к нашему удивлению, оказалось, что половина села грамотна, хотя школы здесь и нет. Грамоте жители обучились у какого-то случайно забредшего беглого солдата, прожившего в Красном Яру несколько лет. Очевидно, что остяки понимают пользу грамотности и жаждут ее. Остяк, у которого мы остановились на квартире, имеет большой двухэтажный, светлый, с балконом, дом, внутренность которого содержится с большой опрятностью и чистотой, полы и даже стены крашены, постели с занавесками, зеркала, часы, и даже баульчик с музыкой! И такой дом здесь не единственный» [Инфантьев, 2005, с. 193–194].

Постепенно интеграционные процессы охватывали все новые территории. Зимние Сивохребетские юрты на р. Салыме в 1911 г. мало отличались от русских селений: «Пятистенные дома построены на русский лад: в них мы находим обстановку также подобную крестьянской». В домах имелись русские печи, но хлеб, по привычке, пекли во дворе [Городков, 2007, с. 85]. Новации затронули даже ваховских ханты, которые, как считал Г.А. Пирожников, отличались бедностью «среди всего инородческого населения Севера». Бывший уездный исправник свидетельствовал, что благодаря «высоким ценам в 1909 и 1910 годах положение ваховских промысловиков, несмотря на изощренный обман торговцев, улучшилось. Многие охотники выручили довольно крупные суммы денег и стали покупать исправную русскую одежду, сапоги, дорогие шали, часы, предметы домашнего обихода» [Пирожников, 2002, с. 22].

Все большее распространение в аборигенной среде получали покупные предметы престижного потребления. Ярким примером интеграции двух культур стало соседство в Юртах Сулиных в доме у одного остяка двух музыкальных предметов: «остяцкий лебедь и граммофон рядом» [Шульц, 2007, с. 222]. Уже в конце XIX в. у вогулов повсеместно имелись самовары, в домах у зажиточных находились кровати, лавки, столы, иконы [Инфантьев, 2005, с. 11–18]. В с. Болчары одним из двух местных торговцев числился остяк Дмитрий Федулович Нялин. Он жил здесь в комнатах, со вкусом меблированных. Его сыном Алексеем, «бойким и хитрым кулаком», на Ирбитской ярмарке были куплены «граммофон, вместе с двумя берданками, винчестером и садовым ружьем». Заметим, что аналогом садового ружья сегодня выступает станковое спортивное оружие. Весьма примечательны широко известные прозвища Алексея Нялина, данные ему за торговую хватку: «кондинский цыган» и «остяцкий цыган» [Корсунский, 2008, с. 263, 283–284, 309]. По данным краеведов известны межэтнические браки русских торговцев с аборигенами. В частности, аборигенную родню имел клан предпринимателей Киселевых из деревень Нялино и Конево [Конева, 1996, с. 7]. Еще одно торговое семейство — Коневы — вели свое происхождение от ермаковского казака и аборигенной женщины. Примечательна судьба одного из представителей этого семейства — Федора Папиловича Конева. В 1867 г., он, мальчик-сирота ханты, был крещен и усыновлен местным торговцем, а впоследствии женился на обрусевшей остячке [Конева, 1994а, с. 7; 1994б].

Аборигенами активно заимствовались орудия труда. По сведениям А.А. Дунина-Горкавича, в начале XX в. местные русские косили сено литовками, но у аборигенов еще сохранялась горбуша — не все они научились правильно отбивать лезвие косы [2010, с. 85–86]. Изменялись не только окружающие вещи, но и нравы людей. Трансформации затронули даже осуждаемое и разорительное пьянство аборигенов. «Некоторые после хорошего улова рыбы прямо садились на пароход и разъезжали от одной пристани до другой с той же целью пьянства, теряя дорогое промысловое время», — свидетельствовал Г.А. Пирожников [2002, с. 178]. Возросла вера в официальную медицину [Корсунский, 2008, с. 281]. Никита Сигильетов из Ларьякской управы «летом 1903 года возил жену на лечение в Томск, но съездил неудачно, будто бы всерачикулисты оказались в отпуске»; ездили и другие, жаждущие исцеления от слепоты, в Томск и Тобольск, правда тоже бесполезно [Пирожников, 2002, с. 31, 137].

Увеличивались также запросы аборигенного населения. В Алтайских юртах (на р. Конде) у старухи-остячки они еще были ограничены: «живет в отдельной хибарке и при своих невеликих потребностях: чай кирпичный без сахара, черный хлеб, немного рыбы и немного молока — вот все, что ее нужно для жизни, она довольна своей судьбой, дающей ей с кортомщиков по 20 рублей и по четверти водки в год», дополнительно занимаясь шаманством для остяков и русских [Корсунский, 2008, с. 262]. Самый зажиточный хозяин Полушаимского пауля Степан в 1892 г. числился вдовцом. Ранее был женат на русской, торговал. Сам Степан жил в трехкомнатном доме, где имелись сундуки, столы, скатерти, иконы в серебряных ризах. Примечательно его поведение: для русских путешественников он притащил кур, предназначенных духам [Инфантьев, 2005, с. 11–14].

Социокультурные изменения у обских угров на рубеже XIX–XX вв.

В аборигенной среде постепенно росли самоуважение и умение отстаивать свои интересы и права. По сведениям А. Алквиста, в середине XIX в. к р. Пельму «живущие южнее русские приходят охотиться, вогулы не пускают их в свои леса иначе, как только в составе своих артелей» [1999, с. 34]. Со стороны русских в долю входил хлеб, со стороны вогулов — их вотчинное право. Вся охотничья добыча делилась на равные части [Там же]. На Северном Урале в 80-е гг. XIX в. у вогулов отмечена не только имущественная дифференциация, но и факты угнетения сородичей, вплоть до спекулятивной продажи водки [Федоров, Иванов, 1886, с. 293–294]. А.А. Дунин-Горкавич фиксирует распространенность арендных отношений в Меньше-Кондинской волости между русскими и вотчинниками-вогулами [1995, т. 2, с. 319–322]. Он же приводит характерный случай, произошедший на зимней ярмарке 1901–1902 гг. в Сургуте. У местного торговца власти нашли облегченные гири для взвешивания товара. Обнаружение мошенничества вызвало большие толки среди аборигенов, причем многие из них «стали являться в суд один за другим с претензиями на то же самое лицо» [Дунин-Горкавич, 1995, т. 1, с. 269].

Сведения о доминировании рыночных отношений среди коренного населения имеются в очерке М. Корсунского: «с течением времени жажда к наживе пробуждается и у них. Уже появились свои кулаки, своя денежная знать, имеющая не одну тысячу рублей и не менее цепко, чем русские кулаки, держащая в своих руках и остяка и русского кортомщика. Но вообще остяки далеко не так уж беззащитны и не так нуждаются в покровительстве, как об этом всегда поется. Они отлично знают тобольские цены на рыбу, ягоды и на звериные шкуры и почти всегда выжидают подъема этих цен, и в кабалу они уж не очень-то легко идут». Непредвзятый путешественник также зафиксировал факты осуждения аборигенами взимания чрезмерной арендной платы сородичами с пришлого русского населения. Именно такой позиции придерживался в Юртах Байбалинских остяк Сергей Яковлевич, 70 лет. «Он далеко не по-остяцки мыслит, к русским благоволит и не любит, когда остяки «тянут шкуру» за кортом. Его очень почитают, а коли нужно что решить, то он является главным советчиком у жителей Байбалы». Интересно, что Сергей Яковлевич не пил и ненавидел «пьянство как губящий охотников разврат» [Корсунский, 2008, с. 267–268, 276, 310].

Допустимо сделать вывод, что интеграция как оптимальный вариант так и не стала полностью господствующей. Она переплеталась с ассимиляцией, в которой усвоение чужих ценностей сопровождалось фактическим отказом от родной культуры. Ассимиляция (или обрусение) реализовалась через заимствование хозяйственных достижений, усвоение грамоты и языка, смешанные браки [Поляков, 2002, с. 53–56]. Противоречивые процессы (интеграция и ассимиляция) распространялись с юго-запада на северо-восток, от городов к сельской местности, от полновластных мужчин к зависимым женщинам, от редких эпизодических контактов к постоянному межэтническому взаимодействию.

Ранее русский купец, как посредник-предприниматель для инородческих волостей, «закрывал» обслуживаемое им аборигенное население от внешних воздействий. Затем его фигура была дополнена аборигеном-трикстером, действующим и лицедействующим на свой страх и риск в русских городах и на ярмарках. Еще позднее на смену им обоим пришел «инородческий» торговец, уверенно чувствующий себя в любой местности, но также стремящийся изолировать «подопечных» ему жителей от большого мира. Дело оставалось за малым — рано или поздно локальные социумы должны были настолько адаптироваться к изменениям, чтобы эмансипировать себя от любых навязываемых им медиаторов. Но произошло это не в полном объеме и много позднее 1917 г. Нельзя не согласиться с высказыванием А.Д. Боготурова и А.В. Виноградова, авторов концепции конгломератного типа развития: «Анклав “традиционного” не обречен раствориться в окружающей его среде. Точно также анклав “современного” не гарантировано преобладание в масштабах всего общества» [Богатуров, Виноградов, 2002, с. 111]. Традиции и новации, архаика и рынок составляли, да и сегодня составляют, единую ткань изменчивого социального организма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые записи и этнографические заметки. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 179 с.

Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития: Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
Головнев А.В. Кочевники тундры: Ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с

- Городков Б. Поездка в Салымский край: Путевой дневник // Ежегодник Тобольского губернского музея 1893–1918. Екатеринбург: Баско, 2007. С. 76–183.
- Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.Л. Основы межкультурной коммуникации: Учеб. для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
- Губарев К. От Тобольска до Березова // Современник. 1863. Т. 94. Отд. I. С. 352–388.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. М.: Либерия, 1995–1996. Т. 1. 376 с.; Т. 2. 432 с.; Т. 3. 208 с.
- Дунин-Горкавич А.А. Сборник трудов. 1907–1911. Екатеринбург: Баско, 2010. 196 с.
- Инфантьев П.П. Жертва вогула; Рассказ из жизни вогула; Чары шаманов: Из путевых впечатлений по стране вогулов. СПб.: П.В. Луковников, 1912. 46 с.
- Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. Тюмень: Мандр и К, 2005. 216 с.
- Ершов М.Ф. Трикстер и город в традиционной культуре обских угров // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Традиции и инновации: Материалы дистанц. науч.-практ. конф. «XIII Югорские чтения» (20 декабря 2014 г., Ханты-Мансийск). Воронеж: МАКС-ПРИНТ, 2015. С. 129–137.
- Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция отечественной провинции конца XVIII — начала XX в.: По материалам городов Северного Зауралья. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2017. 124 с.
- Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: Антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // ЭО. 2017. № 1. С. 43–56.
- Конев В. Юрты Нялино // Югра. 1996. № 2. С. 7–11.
- Конев Ю.Е. Деревенька моя русско-угорская // Югра. 1994а. № 2. С. 7–11.
- Конев Ю. Почему исчезла деревня Коневов? // Югра. 1994б. № 8. С. 49–51.
- Корсунский М. Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года // Подорожник: Краевед. альманах. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 322–318.
- Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: ИАЭ РАН, 1998. 235 с.
- Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — пер. пол. XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
- Павловский В. Вогулы. Казань: Типо-литография имп. ун-та, 1907. 227, II, VIII с.
- Перевалова Е.В. Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
- Пирожников Г. Обь-Иртышский Север: Этнографический очерк // «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север»: Ист.-краевед. сборник. Сургут: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002. С. 89–191.
- Побережников И.В. Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история. 2013. № 2 (21). С. 18–23.
- Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненные по поручению Императорской академии наук. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2002. 200 с.
- Поплавский Р.О., Темплинг В.Я., Черепанов М.С., Шишелякина А.Л. Адаптация социокультурных сообществ в переходные периоды модернизации: Концептуальная рамка исследования российского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 144–151.
- Шульц Л. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея 1893–1918. Екатеринбург: Баско, 2007. С. 208–226.
- Федоров Е.С., Иванов П.П. Сведения о Северном Урале // Известия ИРГО. 1886. Т. XXII. Вып. III. С. 255–298.
- Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.; М.: Университет. книга АСТ, 1997. 318 с.

M.F. Ershov

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
Mira st., 14A, Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation
E-mail: mfershov@mail.ru

MANIFESTATIONS OF SOCIO-CULTURAL CHANGE IN THE OB UGRIANS CULTURE AT THE TURN OF THE 19th–20th CENTURIES

The problem of adaptation of societies to global changes is known to be one of the most challenging for research in humanities. Processes involved with the breakdown of traditional society and transition to market relations are affecting all ethnic groups, with those in the periphery suffering the most. The purpose of the article is to analyse the form of socio-cultural change in the Ob Ugrian culture that occurred during the last period of Imperial Russia. The work is based on materials collected in the Yugra region, historical psychology methods and intercultural communication theories. It is shown that the inhabitants of the Northern part of the Tobolsk Governorate chose different scenarios when the previous stability had been undermined. Initially, the associated mental discomfort urged some representatives of the indigenous population to demonstrate antisocial behaviour. However, at later adaptation stages, the people's self-esteem and desire to defend own interests and rights was gradually restored. The behaviour of the indigenous population was realized through a spontaneous generation of protective adaptive mechanisms under the continuously growing external influence. These mechanisms were manifested in the denial or, conversely, in the uncritical perception of alien values, in the partial assimilation of economic skills and the attributes of a new life, in the assimilation of literacy and language, in mixed marriages, in the

development of rental relations, in the transition to entrepreneurship, in the property differentiation. The described contradictory processes of socio-cultural change and acculturation (separation, marginalization, assimilation, integration) were spreading across the entire Yugra region: from the South-West to the North-East, from towns to taiga wilderness. They affected both sovereign men and dependent women, short-term contacts and permanent interethnic interaction. By the turn of the 19th–20th centuries, the dominant acculturation version of the Ob Ugrians had been their integration with Russian culture. However, the final assimilation has not been achieved so far, as well as a complete emancipation of the indigenous societies from Russian merchants, native entrepreneurs and other intermediaries with the outside world.

Key words: adaptation, acculturation, assimilation, changes, integration, marginalization, Ob Ugrians, entrepreneurship, market, separation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-151-157

REFERENCES

- Ahlqvist A. (1999). *Among the Khanty and Mansi: Travel and ethnographic notes*, Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 179 p.
- Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. (2002). Enclave-conglomerate type of development: Experience of trans-system theory. *Vostok-Zapad-Rossiya*, Moscow: Progress-Tradicija, 109–128.
- Dunin-Gorkavich A.A. (1995–1996). *The Tobolsk North: In 3 vol.*, Moscow: Libereja, vol. 1, 376 p.; vol. 2, 432 p.; vol. 3, 208 p.
- Dunin-Gorkavich A.A. (2010). *Collection of works. 1907–1911*, Ekaterinburg: Basko, 196 p.
- Ershov M.F. (2015). Trickster and the town in the traditional culture of the Ob Ugrians. *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Tradicii i innovacii: Materialy distanc. nauchno-prakt. konf. «XIII Jugorskie chteniya» (20 dekabrya 2014 g., Khanty-Mansiysk)*, Voronezh: MAKS-PRINT, 129–137.
- Ershov M.F. (2017). *Socio-cultural evolution of the domestic province of the late XVIII — early XX centuries: on materials of the towns of the Northern Urals*, Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir, 124 p.
- Fedorov E.S., Ivanov P.P. (1886). Data on the Northern Urals. *Izvestija Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva, XXII(III)*, 255–298.
- Freud S. (1997). *Jokes and Their Relation to the Unconscious*, St. Petersburg; Moscow: Universitet. kniga AST, 318 p.
- Golovnev A.V. (1995). *Talking cultures: Samoyed and Ugrian traditions*, Ekaterinburg: UrO RAN, 606 p.
- Golovnyov A.V. (2004). *The nomads of tundra: The Nenets and their folklore*, Ekaterinburg: UrO RAN, 344 p.
- Gorodkov B. (2007). The trip to Salym lands: Travel diary. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeja 1893–1918*, Ekaterinburg: Basko, 76–183.
- Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.L. (2003). *Basics of intercultural communication: Textbook for universities*, Moscow: JuNITI-DANA, 352 p.
- Gubarev K. (1863). From Tobolsk to Beryozovo. *Sovremennik*, 94(I), 352–388.
- Infantyev P.P. (1912). *The sacrifice of the Voguls; The story of life of the Voguls; Enchantments of the shamans: From the travel experiences over lands of the Voguls*, St. Petersburg: P.V. Lukovnikov, 46 p.
- Infantyev P.P. (2005). *Travel to the lands of the Voguls*, Tyumen: Mandr i K, 216 p.
- Konev A.Yu. (2017). A gift, tribute and trade: The anthropology of the interaction of aborigines of Siberia and the Russians in the XVII–XIX centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 43–56.
- Konev V. (1996). Yurts of Nyalino. *Jugra*, (2), 7–11.
- Konev Yu.E. (1994a). My Russian-Ugic village. *Jugra*, (2), 7–11.
- Konev Yu. (1994b). Why did the village Konevo disappear? *Jugra*, (8), 49–51.
- Korsunskiy M. (2005). Essay of excursion on the Konda River in the summer of 1908. *Podorozhnik: Kraevedcheskij al'manah*, (5), 232–318.
- Martynova E.P. (1998). *Essays on the history and culture of the Khanty*, Moscow: In-t antropologii i etnologii RAN, 235 p.
- Minenko N.A. (1975). *North-Western Siberia in the XVIII — the first half of XIX centuries: Historical and ethnographic essay*, Novosibirsk: Nauka, 308 p.
- Pavlovskiy V. (1907). *The Voguls*, Kazan: Tipo-litografija imp. un-ta, 227, II, VIII p.
- Perevalova E.V. (2004). *The Northern Khanty: Ethnic history*, Ekaterinburg: UrO RAN, 414 p.
- Pirozhnikov G. (2002). The Ob-Irtys North. Ethnographic essay. «*Takoj dalekij i takoj blizkij Ob'-Irtyskij sever*»: *Istoriko-kraevedcheskij sbornik*, Surgut: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izd-vo, 89–191.
- Poberezhnikov I.V. (2013). Frontier modernization in the history of Russia. *Ekonomicheskaya istoriya*, (2 (21)), 18–23.
- Polyjakov I.S. (2002). *Letters and reports about the travel to the valley of the Ob River, executed on assignment of the Imperial Academy of Sciences*, Tyumen: Izd-vo Ju. Mandriki, 200 p.
- Poplavskiy R.O., Templing V.Ya., Cherepanov M.S., Shishelyakina A.L. (2017). Adaptation of socio-cultural communities in transition periods of modernization: Conceptual framework of the research of Russian region. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii*, (4 (39)), 144–151.
- Shults L. (2007). The brief report about the excursion on the Salym River of Surgut District. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeja 1893–1918*, Ekaterinburg: Basko, 208–226.